

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ «КОФЕЙНЯ»
И «ГРУБЫЙ СЕКС И НЕЖНЫЙ БУНТ»

ОДНА НОЧЬ
С ЖЕНЩИНОЙ, КОТОРАЯ
МЕНЯ ЛЮБИЛА

18+

ВЯЧЕСЛАВ
ПРАХ

Вячеслав Прах

**Одна ночь с женщиной,
которая меня любила**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Праx В.

Одна ночь с женщиной, которая меня любила / В. Прах —
«Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-152426-5

Автор пишет о женщине, с которой он проводит всего одну ночь, последнюю ночь, вспоминая обо всем, что между ними было. Женщина не позволяет мужчине себя целовать в губы, не позволяет случится близости. Но тем не менее она добра к нему и нежна — позволяет себя гладить и даже целовать, но не всюду... не так, как раньше. Откровенные воспоминания мужчины о мгновениях счастья и боли, об ошибках и выводах. О рождении чувств, как о цветущем дереве, и об угасании, как о постыдном равнодушии, которое он попытался утаить от нее. Об измене. Вячеслав Прах создал новую чувственную и проникновенную повесть, в которой как никогда открыто говорит о радостях, печалях и сложностях взаимоотношений между двумя близкими людьми.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152426-5

© Прах В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Одна ночь с женщиной, которая меня любила	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вячеслав Прах
Одна ночь с женщиной,
которая меня любила
Роман

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Прах В., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Одна ночь с женщиной, которая меня любила

Эта работа, с первой строчки и до последней – посвящение.

Часть первая

«Письмо к женщине» Есенина побудило меня записать созданную нами историю. В этом году я начал понимать его строки: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье». Оказывается, Есенина не нужно было читать, к нему нужно было протоптать дорогу.

Автобус из Репина ходил каждые пятнадцать минут. Путь до Санкт-Петербурга, до Беговой занимал чуть больше часа, в дороге я слушал музыку и смотрел в окно. Я снимал комнату у женщины, которая меня любила. Когда я прилетел, она предлагала мне поселиться у нее бесплатно – пока она жила у Парка 300-летия Санкт-Петербурга, две ее комнаты в Репине пустовали – и оплачивать только коммунальные услуги. Такого я не смог себе позволить и молча заплатил за свое проживание, воспользовавшись ее гостеприимством. Просторная, солнечная комната, до Финского залива пятнадцать минут спокойным прогулочным шагом. Один сосед – общительный, дружелюбный парень. Там, в курортном поселке, была своя атмосфера: тишины, покоя, неспешности. Эта женщина подарила мне Курортный район, как бы громко это ни звучало. Я жил в Петербурге с двадцати лет и был далек от Курортного района, как от вод реки Нил, я знал только малую часть города. Недели, проведенные в этом месте, оставили во мне теплые и приятные воспоминания. Какой же разный Петербург – как мало я брал. Там я закончил «Уязвимость», там, просыпаясь от солнечных лучей, засыпая с открытым окном от апрельской прохлады, я смог прийти в себя и подлатать себя, чтобы с новыми силами отправиться в дальнейший путь. Будучи в Репине, я делился с моей хозяйкой своими мыслями: «Живя в часе езды от города, ты больше ценишь время, проведенное в городе, когда туда приезжаешь. Каждый час имеет больше ценности, хочется много всего успеть, впихнуть в себя. Я плачу за свою поездку в город тем, что трачу на автобус больше двух часов и пятнадцать минут иду пешком до остановки. Ты уже не ценишь все то, что имеешь, как ценю я то, чего не имею. Ты каждый день смотришь в окно и видишь Лахту, закаты над заливом». Она ответила мне, что ценит то, что имеет. Мне подумалось в этот момент, что напоминает себе ценить. То, что удивительно и прекрасно один день, становится привычным, когда видишь это годами.

В тот вечер она не знала, что я приехал в город. Я позвонил ей и сообщил, что приобрел новые кроссовки и курточку, она пригласила к себе в гости на чай.

Девочка ростом метр сорок семь, девушка, которую я поцеловал у маяка возле Финского залива в Парке 300-летия Санкт-Петербурга. Большой человек, не помещающийся в маленькое хрупкое тельце. Даже я, невысокий, стройный, рядом с ней казался крупнее.

Собака узнала меня. Она радостно приветствовала меня, то прыгая у моих ног, то бегая из стороны в сторону, приговаривая что-то на своем собачьем языке. Джеральд оставил шрам мне на память на носу, он укусил меня прошлой осенью, когда я хотел взять его на руки. Хорошая собака. С того момента наши отношения с ним не испортились.

– Привет, Джеральд.

Снял обувь. Погладил его и посмотрел на нее. Малышку. Красивую, тоненькую.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

Я обнял ее. Не целовал. Не разрешала себя целовать в губы после того случая. Я пытался – не один раз. Однажды даже силой, крепко обняв ее на пляже у залива. Она не позволила. Я почувствовал себя отвергнутым. Больно, когда тебя вот так отвергает женщина, которую ты целовал столько раз, что и не сосчитать. Это не похоже на пощечину, это хуже. Это похоже на удар – сильный удар.

Я перестал пытаться ее поцеловать, достучаться до нее: вот он я – целуй меня в ответ, целуй меня, люби меня, вернись.

Я обнимал – и ничего больше. Первый раз отвергла, попробовал второй раз, потом третий. В четвертый раз попробовал только в ее постели. И после него отверг уже я. Не сразу. Через несколько дней после этой ночи. Она приехала в Репино, я помогал ей разобрать и вынести мебель. На прощание она хотела меня обнять, а я оттолкнул ее так, будто она предала меня, совершила непростительный поступок. Так оттолкнул, словно отыскал ее в чужой постели, а после этого она полезла обниматься – я даже сам от себя не ожидал, что способен на это.

Она молча ушла на автобус. Я молча ушел в квартиру.

Мы познакомились с ней, когда мне было двадцать семь, а ей тридцать восемь. Я встретил ее птицей, любящей волю-волюшку, свободу-свободушку, запертой в клетку – по собственному желанию, – в которой было ей то комфортно, то душно. У нее был мужчина, который ее не «брал» многие годы, который любил ее, продолжая жить с другой женщиной. Я был для нее праздником, редким праздником – и она была для меня праздником, редким.

Эту работу я назвал – «Одна ночь с женщиной, которая меня любила». Я запомнил ту последнюю странную ночь, которую мы провели вместе. Лицом к лицу. Спиной к лицу. Спиной к спине. Мы спали на одной кровати, и у нас не было секса. Даже в губы не позволяла себя целовать, но не отвергала меня, когда я целовал ее в шею, в щеку, в подбородок. Мне казалось, что это такая игра – «прояви настойчивость и возьми меня», «прояви фантазию и медленно подготовь меня к большему». Наутро я понял, что это была не игра, какой бы тоненькой она ни выглядела внешне, ее ласковое и мелодичное «нет» оказалось твердым, как бетон. Я не смог его пробить.

Я расскажу эту историю с самого начала, время от времени возвращаясь к той последней ночи.

* * *

Начну с писем, которые я ей писал. Громкие письма, живые письма. Я пытался впихнуть в себя все то прекрасное, что прорастало во мне, будто я – пустошь, а во мне начали подниматься леса, будто солнечные лучи пробивали меня насквозь, и дыры во мне были заполнены этими лучами. Сначала они были горячими, обжигающими, даже щекочущими. Когда я отвлекался, то успокаивался, и они были теплыми и всегда осязаемыми, где бы я ни был, чем бы я ни занимался – если убавить всю ту громкость, которая была в тех письмах:

«Ты как Прованс».

Потому что Прованс я обожаю. Там я ощущаю спокойствие.

«Внутри отклик от пройденного тобой».

Когда ты рассказывала о своей жизни, о своих дорогах, о стремлениях, о своей целеустремленности – во всем, что ты мне открывала, я находил себя и свой собственный путь. Каждый твой рассказ – как встреча с собой в разные промежутки жизни. Целеустремленная, идущая вперед, к задуманному, несмотря на боль, на усталость, на разговоры у тебя за спиной и в лицо. Восхищаюсь тобой, актриса. Восхищаюсь тобой, смелый, идущий вперед человек.

«Я люблю тебя».

Это не те слова, которые я произношу каждой женщине, с которой создаю маленькую историю, главу жизни. В моменте я говорю: «я получаю удовольствие от нашего с тобой мира», «мне хорошо с тобой», «я кайфую от тебя», «ты мой кайф». «Люблю тебя» – это

большие слова, которые я не произношу без абсолютной и непоколебимой уверенности, что они полностью передают мои чувства. Я люблю не в знак благодарности, не из-за страха перед человеком, не из боязни отступить назад, видя, что человек испытывает ко мне более сильные чувства, чем я к нему. Я люблю не потому, что у меня нет крыши над головой, и не потому, что меня не любит никто. Я люблю только потому, что я – люблю. И мне не стыдно произносить эти слова. Я прошел большой путь, чтобы писать осознанно каждое слово в этом письме. Я достался тебе на том промежутке жизни, когда встал после того, как упал лицом в лужу, и шел, обходя лужи, шел вперед с огнем внутри – и с лужей на лице.

Я люблю тебя сейчас. Сегодня. В этом моменте. Мне не стыдно. Мне не страшно. Я не задаюсь вопросами, я знаю.

* * *

Мы смотрели «Лучшее предложение» с Джеффри Рашем на кухне, твоя голова лежала выше моих колен, но ниже яиц. Я гладил твои волосы, смотрел кино. В какой-то момент я аккуратно поднял твою голову и положил на диван, а сам расстегнул ширинку, снял с себя джинсы. Снял трусы. После этого спустился вниз к твоим ягодицам – снял трусы и кинул на пол. Запах... В ноздри ударил запах твоего ануса, как только я раздвинул ягодицы и приблизился к щели. Мне нравится запах твоего ануса, этот запах возбуждает меня. Я смочил большой палец слюной и вошел им в него. Я получал удовольствие от того, что вхожу пальцами в твой анус, что познаю тебя своими пальцами. Член наливался кровью, твердел, в какой-то момент он уже лежал на твоей правой ягодице и головкой смотрел в сторону поясницы. Я водил членом вверх-вниз, он становился еще тверже. Ты была мокрая, ты была возбуждена в этот момент. Можно было провести ладонью по твоим половым губам, и после этого моя ладонь была бы в тебе. Я всегда радовался тому, что ты мокрая от меня изо дня в день. Когда я вошел в тебя членом, это было приятное проникновение, мой орган вошел легко и мягко, в тебе было тепло.

Я входил пальцем в твой анус, а членом в вагину. Ты тяжело дышала, время от времени произнося: «Да, пожалуйста, не останавливайся». Я и не собирался этого делать. Я желал тебя и твою попу. Свободную правую руку я засовывал тебе в рот, чтобы ты сосала мои пальцы. Мне нравилось, как ты сосешь их во время секса, в этом свой кайф – представлять, что ты держишь во рту член, сосешь его в то время как я тебя трахаю во все места одновременно, разрывая, как несколько потных и пьяных мужчин – последнюю путану; это возбуждало меня, я себя воображал этими мужчинами.

Я не приносил в нашу спальню никаких игрушек для взрослых, мой чемоданчик у меня в голове – в нем мои фантазии, желания. Мне достаточно своих десяти пальцев на обеих руках, двух глаз, носа, языка и члена, чтобы воплотить в реальность то, что доставит мне удовольствие.

Ты никогда до встречи со мной не принимала мужскую сперму в рот. Тебя склоняли, тебя просили, ты отказывала, потому что тебе неприятен был вид спермы, ее запах, тебе неприятно было ощущать ее на своем теле, ты не собиралась никогда глотать мужскую сперму, и для тебя это было даже унижительно. Так было до встречи со мной. Я получал удовольствие от осознания того, что в твоём рту не было никогда мужского семени, что ты только мне позволила тебя унижить... или ты больше не воспринимаешь это как унижение? Я чувствовал себя особенным – мне было позволено то, что не было позволено другим, то, что не было позволено раньше самой себе.

В последнее время ты начала сама просить меня о том, чтобы я это сделал. «Кончи мне в рот, я хочу этого. Сделай это сейчас».

Ты мне призналась позже, что начала получать удовольствие от вкуса моей спермы и запаха моего пота. Ты рассказала и о том, что, когда я плевал тебе в рот во время секса, бил тебя по щекам, тебя это умирало, даже унижало, но ты чувствовала мою власть над тобой. От осознания этого ты получала удовольствие. Кончала. Мне нравилось с тобой делать все, что я делал. Все было к месту, желания пробуждались в моменте, это было по-настоящему. Я хочу, чтобы ты знала, что в сексе с тобой мне удалось раскрыть себя. Потому что я чувствовал, что хочу этого, что ты примешь все, что бы я с тобой ни сделал. Ты не стремилась к власти, не хотела играть доминирующую роль, я бы тебе и не позволил этого сделать, мне нужна была твоя податливость, твое смирение. Благодаря этому я себя реализовал тем, кем я был в сексе с тобой.

Мне нравилось раздавливать тебя своим телом. Уничтожать тебя.

* * *

«Я люблю тебя не только за то, кто ты есть, но и за то, кем я становлюсь рядом с тобой», – так однажды она мне сказала.

Она чувствовала, что расцветает. Все вокруг замечали, что она ходит и светится, как лампочка, от переполняющей ее радости: она смеялась ни с того ни с сего – не только тогда, когда находилась в комнате одна, но и прилюдно. Бубленка делилась со мной многими вещами – она делилась, я записывал. Почему Бубленка? Однажды я посмотрел на нее и сказал: «Ты бублик». С тех пор начал называть ее Бублена, Бубленка, Бубленочка. Она танцевала, просто потому что так захотелось в моменте. Она была необычайно нежна, она сама не понимала, почему она так нежна. Это было ей свойственно, но было ею забыто.

Она была возбуждена, когда думала обо мне, когда представляла меня рядом – стоящего перед ней, смотрящего прямо в глаза. Она стыдилась этого и никому об этом не рассказывала, только мне.

Мы прикасались друг к другу письмами: буквами, словами, комплиментами, но в это всё я и она – мы – вкладывали такую силу, такие эмоции, что каждое сказанное и написанное слово, честное слово, желанное слово, робкое и смелое, было усладой души для каждого из нас.

– Мне хорошо с тобой. Мне тепло, я наполнен тобой, большую часть дня я думаю о тебе, а в те моменты, когда мне удастся переключить себя на что-то другое, я просто ношу тебя внутри. Это странно прозвучит, но я ощущаю тебя, даже не думая о тебе. Это ново для меня, это и приятно, и больно. И так сильно, не контролируемо мною, что порой я не могу с собой совладать и впадаю в горькую грусть, в тоску по тебе.

– Почему тебе больно?

– Я тоскую. Я расстраиваюсь, что все мужчины, которые были в твоей жизни, – не я. Потому что мне хочется, чтобы ты принадлежала только мне. Я переполнен тобой, и, кажется, я даже смотрю на мир не только своими глазами, но и твоими. К примеру, сегодня я зашел в наш католический костел святой Марии, в котором я был всего дважды – первый раз, когда переехал в этот город, в холодном феврале прошлого года, и второй, когда ко мне из Познани приезжал товарищ. Я ему показал этот костел, мы заходили внутрь. А сегодня ноги будто сами меня повели туда. Я вошел. Сначала присел на самую последнюю скамью у входа/выхода, смотрел изучающе на огромные арки, вдыхал аромат ладана и просто молчал – я не частый гость этого места.

– Когда ты поделился со мной рассказом об этом месте, я подумала, что ты из-за меня туда вошел.

– Да. Я будто изучал костел твоими глазами, мне подумалось, что тебе было бы интересно там побывать. Такое странное желание – посмотреть твоими глазами на то, что меня окружает. Сейчас я сижу в уличном кафе недалеко от Ратуши. Я обедал, ко мне подошел мой знакомый журналист, который, когда я перебирался в этот город, написал в газете, что русский писатель приехал жить в их маленький спокойный городишко, облюбовал для себя это место. Я довольно слабо разговариваю на польском, но всегда могу объяснить, что мне нужно, у меня не было переводчиков, когда я переехал в Польшу. Я изучал язык, историю, праздники – и люди, с которыми меня сводила жизнь, немного понимали меня и что мне от них нужно: чего я не мог сказать, я показывал жестами и пытался донести на своем языке. Так вот, Патрик – молодой общительный парень, всего на год младше меня, и с ним я совсем другой человек – такая мысль только что пришла мне в голову. Я нахожу себя разным в глазах разных людей, например, в его глазах я такой оптимист, энергичный человек, который всегда улыбается и держит осанку, маленько верит в себя и ведет себя дружелюбно и в меру открыто. А в твоих глазах я совершенно другой. С ним я открываю только малую часть себя, большую он попросту не поймет и не примет в силу наших отношений, взглядов на вещи, даже если бы я разговаривал на польском так же хорошо, как и он. Я не могу открыть ему, да и не только ему, себя широко, многогранно – так, как открываю тебе, и знаешь, Кафка говорил: «... ты для меня нож, которым я копаюсь в себе»¹ ты для меня – исповедь перед Силой – это первое, что пришло в голову. Ты для меня – святость, я перед тобой нагой, босой, я получаю удовольствие от того, что ты способна меня увидеть больше – но я перед тобой не голая жалкая тварь, дрожащая в холоде, выклянчивающая что-то; я перед тобой самый красивый и желанный мужчина. Таким я чувствую себя, когда смотрю на себя твоими глазами (я знаю, ты тоже имеешь эту способность), и это делает меня счастливым. Я перед тобой и грешник, тайны и грехи свои я оголяю перед тобой, чтобы оттолкнуть тебя, но внутри кричу: «Прими меня, не убегай». И ты не убегаешь. Принимаешь. Понимаешь.

– Я принимаю все.

* * *

– Мне нравится, что у тебя не было секса два года.

– Да? А мне немного неловко от этого. И от того, что я все это тебе рассказываю. Почему тебе это нравится?

– Потому что ты не отдавала себя мужчинам эти два года. Мне бы вообще не хотелось, чтобы кто-либо прикасался к тебе, даже из прошлого, хочу быть единственным для тебя – и первым, и последним. Чтобы никого не было у тебя. Но я понимаю, что твое прошлое – часть тебя, как и мое – часть меня. Если бы у меня была возможность стереть всех мужчин из твоей жизни, все их прикосновения, страсть, кипящую в тебе и в них в момент близости, их признания в любви, стоны и крики, их ласку и злость, грубость – я бы все это смыл с тебя. И оставил только тебя, принадлежащую мне одному. Даже не спрашивая у тебя разрешения это сделать.

– Я понимаю, почему ты так хочешь и что ты чувствуешь. Я твоя. Мне не интересны другие мужчины. Я вся мокрая, когда думаю о тебе, когда ты говоришь, как именно желаешь меня раскрыть в своих фантазиях. Когда просто представляю, как ты смотришь на меня. Я вся принадлежу тебе. Никого больше нет.

– Я знаю, что ты моя. И мне от этого тепло внутри. Для меня очень ценно, что у тебя так давно не было секса. Эти два года ты тоже принадлежала только мне, ты ждала меня.

¹ Ф. Кафка. Письма к Милене.

– Ждала. Давно. Я играла, я много притворялась. Я не скрываю этого, но я устала. Я хочу быть честной и открытой всегда с тобой. С тобой мне легко. Я могу рассказать тебе все, не боясь осуждения или что ты не поймешь.

– Будь честна со мной. Мне это нужно.

– Я много притворялась с ним. Я его люблю, но по-другому, не так, как он бы меня смог и захотел понять.

– Ты любишь его как родственника, но не как мужчину.

– Да. Он важный человек в моей жизни, но я не люблю его как мужчину. И я устала притворяться с ним. Я с ним, как будто в золотой клетке, у меня есть многое, чтобы чувствовать себя комфортно. Он ко мне не прикасается как мужчина, я этого не позволяю. Хотя я вижу, как он желает меня, как он порой смотрит на меня. В такие моменты я создаю границы между нами, которые ему не следует переступать.

– Он любит тебя как женщину.

– Да, любит. Раньше он перекрывал мне кислород своей любовью, но я устроила бунт. И сбежала от него. Он меня нашел и согласился остаться в моей жизни в качестве друга, он живет с женой. Она любит его.

– У меня сегодня спросили: «Как тебе удается верить в любовь?» Я ответил, что встаю после падения и даю себе шанс прожить еще одну жизнь. Каждый раз встаю. Я знаю, что ты любишь меня, я в этом не сомневаюсь ни на секунду. Мне знакомо чувство, когда женщина меня любит. Ты реализовываешь свою любовь рядом со мной, любовь к мужчине. Я это принимаю. Я восхищаюсь тобой. И меня порой настолько переполняют эмоции, что мне хочется кричать, выть, и даже однажды возникла мысль сбежать от тебя – это правда. Сбежать, потому что мне стало страшно, что я предаю все свои цели и планы, к которым я иду изо дня в день уже долгое время; что я забудусь в тебе и потеряю себя. Надеюсь, ты поймешь меня правильно и не осудишь за это. Я чувствую себя сумасшедшим, потому что не всегда могу совладать с эмоциями, которые испытываю рядом с тобой.

– Я бы не хотела, чтобы ты сбежал от меня, не объяснившись. Да чего уж там, я не хочу, чтобы ты сбежал от меня, потому что я тебя люблю эгоистично, мне хочется стать воздухом, которым ты дышишь. Чтобы ты не хотел оставаться один, будучи со мной. Чтобы тебе не было тесно и хватало места рядом со мной. Чтобы ты чувствовал себя свободным, будучи со мной – я не хочу посягать на твою свободу. Ты ничего мне не должен. Но в глубине души я хочу принадлежать только тебе одному, и чтобы ты принадлежал только мне одной – чтобы это было естественно, чтобы ты себя не заставлял, а сам того хотел, чтобы не мог по-другому – так происходит со мной сейчас. Но я не хочу быть стеной между тобой и твоими желаниями. Я не хочу быть привычной и уютной камерой, отделяющей тебя от свободы.

– Я делаю все, что считаю нужным. Сейчас ты мне даешь такое количество себя, энергии, любви, что мне не нужно больше никого. Я насыщаюсь, я кайфую, я радуюсь и наполняюсь.

– Я наполняю тебя и становлюсь полнее от этого.

– Такое бывает?

– Да. Я окрыленная. Мне подруга ни с того ни с сего сказала, что от меня пахнет сексом, представляешь? Я иду и свечусь, я чувствую себя счастливой. Мне хорошо. Я бесконечно улыбаюсь. Слушаю музыку. Работаю и пою. Танцую и пою. Смеюсь. И, как ты говорил однажды, даже не думая о тебе, а это редкость, я ношу внутри тебя – и я знаю об этом. Просто знаю. Ты меня понимаешь.

– Я тебя понимаю. Я все понимаю, что бы ты ни сказала, я прошел путь, схожий с твоим. Понятно, что у меня свои уроки были, дороги у всех разные, но выводы очень схожие из топтанного. Все, что ты говоришь, откликается во мне. И порой я чувствую себя бесполым рядом с тобой. Это странно.

– Расскажи мне об этом.

– Я порой забываю, что я мужчина, а ты женщина. Мое желание, жажда пить тебя, наполняться тобой настолько велика, даже не велика, а безгранична, что, поддаваясь эмоциям, когда прорезываются крылья, я перестаю контролировать себя и веду себя, как женщина, или как маленький ребенок, или как нечто, с чем я себя не ассоциирую в привычной жизни, взвешивая каждое слово и продумывая каждый свой шаг. Я ощущаю себя как я – отделяемое от мужчины, которым я являюсь, и это я само по себе самостоятельное, оно бесполое. Мне хотелось бы, чтобы ты меня поняла.

– У меня так же. Я не знаю себя рядом с тобой той, кем я знала себя до встречи с тобой и с разными людьми. Та я, которую ты знаешь сейчас, чужда для моих знакомых, чужда даже для него. Я постараюсь описать, как чувствую: она будто всегда жила во мне взаперти, я ее прекрасно знала, любила, кормила, жалела, ласкала, но освобождала очень редко из ее комнаты, потому что мир не принимал ее. Она жила в своем маленьком и большом мирке, но это не была камера пыток. Камера пыток – мир, который хотел ее заполучить, но чтобы заполучить, нужно понять, а никто не смог понять ее. Я сейчас обнажена больше, чем если бы на мне не было нижнего белья.

– Я тебя понимаю.

Внутри кричал: да, я понимаю тебя. И я хочу заполучить всю тебя без остатка, потому что я имею право на это. Это мое.

– Я тебя люблю. Это не просто слова, я их не произношу просто так, – осторожно произнесла она.

– Все, что ты говоришь, я не подвергаю сомнениям, потому что я знаю, а не верю. Когда знаешь, не нужно верить. Это лишнее.

* * *

Как чудесна взаимность: когда она наслаждается тобой так же, как ты наслаждаешься ею, и ты это видишь, знаешь, чувствуешь и кайфуешь от этого. Взаимность – это такая мощная сила, окрыляющая тебя изо дня в день – ты влюблен в человека, а он влюблен в тебя. Между вами нет неловких пауз, вы желаете друг друга, вы живые, красивые, и окружающие замечают перемены в вас. Уверенные в себе, задумчивые и улыбочивые, смеющиеся просто так, вы носите в себе то, что известно только вам и никому об этом не рассказываете – только вы знаете тайну, именуемую вашим мирком, который вы создали вдвоем, слепили из честности, взаимности, открытости, смелости. Как прекрасны мы, когда влюбляемся, и это взаимно.

Божественное чувство, когда человеку веришь. Даже не то, что веришь, ты знаешь, что он с тобой искренен, и каждое его слово, которое адресовано тебе, – оно имеет силу. Ты чувствуешь эту силу, это настоящая, осязаемая сила, которую невозможно подвергнуть сомнениям. Ты ощущаешь себя наполненным, он не крадет твою энергию, твой огонь, твою наполненность, твою жизнь – жизнь радуги после дождя. У него полно своего, и он дает тебе много, он сам наполняется тем, что наполняет тебя. Ты наполняешь его, даря свои эмоции, ты благодарен за все это, ибо знаешь, что бывает иначе.

Бублена!

Ты собой освещаешь мир. Мой мир. Мне хорошо с самим собой, даже сейчас, когда я сижу у озера, и мое лицо целует закат, я пишу и чувствую себя свободным, сильным, романтическим

и легким внутри. Мне было хорошо одному до встречи с тобой, я создал собственный мир, который мне доставлял радость, он – плод моих трудов, мир, в котором мне хорошо одному.

Ты не нужна мне, чтобы почувствовать себя счастливым, потому что до встречи с тобой я не был несчастным, подавленным, опустошенным. Это не так – я боролся изо дня в день до встречи с тобой, падал, терял смысл, но вставал снова и снова, чтобы создать новый смысл и быть наполненным этим смыслом, быть наполненным огнем, горя своими целями, хорошим отношением к миру, к людям, к себе. Я не был слабым, сломленным, когда встретил тебя. Ты это знаешь.

Ты нужна мне, чтобы почувствовать себя счастливым иначе, когда тебя любит женщина – энергетически сильная, многогранная. Женщина-актриса, женщина-свобода, женщина, которую желает мужской мир, увидев, познакомившись с ней. Я могу быть счастливым и без тебя. Я трудился. Я боролся за это. Я отстаивал это, я отодвигал других, нападал, когда была необходимость, сам и защищал свои интересы, свое мнение; я долгое время наводил порядок внутри, не давая поводов кому-либо бросить горящий факел в мою крепость. А когда бросали, я поднимал этот факел, испытывая боль, и отбрасывал подальше от себя. Потом лечился от ожогов. И никому не говорил, что у меня обожжены руки. Я сейчас невероятно сентиментален, но я не стыжусь этого, это я рядом с тобой. Это грань меня. Я так чувствую сейчас, я так живу.

Я пишу. Я живу. Я чувствую. Я люблю. Я не буду стыдиться эмоций, которые меня переполняют. Я наматываю круги вокруг дома, мне так хорошо сейчас гулять и носить тебя внутри. Мне тепло. Я разговариваю с собой, а вернее, с тобой внутри себя и постоянно улыбаюсь. Я прекрасно знаю, что это состояние может быть временным, но я не думаю об этом и не хочу свою энергию на это тратить, я хочу взять все от этой силы, от этого чувства, которым я переполнен. Я чувствую. Я люблю мир. Я размягчаюсь. Я становлюсь светлее и замечаю это.

– Ты наполняешь мою жизнь смыслом, – сказала она.

– Ты всегда создавала новые смыслы до встречи со мной, потому и горела всю свою жизнь. Но мне чертовски приятно, что я могу наполнять твою жизнь смыслом, не прикладывая никаких усилий, просто будучи живым и радостным, потому что влюблен в тебя.

* * *

Я понял, что должен заплатить цену за свои чувства – только заплатив за них, я придам им еще больше ценности. Мне важно создать честную, живую работу о себе, о ней, о том, какими мы видели себя друг с другом – я должен заплатить в этот раз своим временем, трудом. Она должна стать частью моего искусства.

Так я сказал себе и начал следовать сказанному.

* * *

Возвращаясь в последнюю ночь.

Не знал, что она будет последней. Не знал, что ты позволишь остаться ночевать у тебя. Не знал, что оставшись у тебя ночевать, я не поцелую тебя ни разу в губы. Не знал, что Джеральд будет мне так рад. Не знал, что я такой нежный мужчина. Невообразимо нежный. Только мы с тобой там присутствовали, и никакие слова не передадут, как все было.

Это было так странно и ново для меня. Если бы кто-то поставил в твоей квартире камеры и заснял тот вечер, ту ночь и то утро, то получился бы немой короткометражный фильм: «Она

его любила, а он пытался вернуть ее любовь». Получилась бы честная, живая работа. Такое не придумаешь.

На балконе было тепло тем вечером. Конец апреля. Я посадил тебя к себе на колени, обнимал тебя. Не хватало тебя – катастрофически не хватало, ты сидела на коленях, и тебя не хватало. Я обнимал тебя сильно, чтобы хоть как-то наполниться тобой, ты почти ничего не давала, а только позволяла, чтобы я целовал – все, кроме губ и не ниже пупка. Будто на дне бутылки осталось, а я алкоголик, и эти пара капель так медленно текут к горлышку. Допил и выбросил пустую бутылку. Оттолкнул, когда услышал твой разговор с мужчиной-другом, как ты его представила мне. Оттолкнул так, как, возможно, тебя никто не отталкивал – сильно и небрежно отшвырнул от себя. Ты этого не простила, ты этого не забыла. Зашел далеко. Перемотаю.

* * *

– Я заставила себя не жить в прошлом, прошлое высасывает энергию. Когда вспоминаешь прошлое, то отдаешь огромное количество энергии, которую можно было бы реализовать сейчас, в настоящем, совершая поступки, прислушиваясь к себе и своим желаниям – создавая и настоящее, и будущее своими мыслями, потребностями, действиями.

Вспомнилась фраза Юзефа Бестера: «Мечты слабых – бегство от действительности, мечты сильных формируют действительность».

– Мысли об ушедшем засасывают, и не остается сил, чтобы двигаться вперед, мне это знакомо, но ты сформулировала свою мысль лучше. Ты прошла большой путь.

– Мне тридцать восемь. Я старше тебя на одиннадцать лет. Тебя это не пугает?

– Это прекрасно. Почему это меня должно пугать? Моя бывшая жена старше меня на десять лет, и большинство женщин, с которыми я кайфовал, были старше меня. С женщинами, которые прожили жизнь, которые взлетали и падали, которые не боялись чувствовать и жить – с ними интересно, есть о чем поговорить, что впитать в себя, можно узнать что-то новое. Они честные, смелые, они сформированные личности: знают, кто они, что им нужно от жизни. А еще это сексуально, что женщина старше тебя. Не думаю, что у всех мужчин так, но у меня именно так. Ум сексуален, зрелость сексуальна. А еще и опытность во всех планах.

– Мы с ним вместе двадцать лет, и любовь к нему как к мужчине переродилась в любовь как к отцу, как к наставнику, талантливому режиссеру, который дал мне очень многое, как к члену семьи. У меня не было отца, я сирота, поэтому он был для меня и отцом. Я не хочу, чтобы ты ревновал к нему – я его не люблю как мужчину. И не позволяю к себе прикасаться как к женщине уже много лет. Я могу его обнять как родного, побыть с ним рядом, поддержать в трудную минуту и выслушать, но не отдать ему свое тело, свою женскую ласку – я закрыта с ним как женщина. Ему достаточно того, что я рядом.

– Он тебя любит.

– Да.

– Я делал больно людям тем, что не любил их. Они любили меня, а я не мог заставить себя открыть и реализовать свою любовь рядом с ними в полной мере. Я влюблялся, я много энергетически давал. И не говорил, что люблю.

– Я тебя понимаю, я всю жизнь делаю больно людям только тем, что не люблю их. Иначе я не причиняю людям боли, я давно убила в себе гордыню. Его я любила, пока мы не уничтожили мою любовь.

– Кто-то считает, что если любовь закончилась, то это была не любовь. Если любовь закончилась, то кто-то посчитал нужным ее закончить. А ведь многие мыслят, что ее и не было никогда, обесценивая все бывшее.

– Любила, да.

– Мне стало неприятно.

– Хорошо, я понимаю. Не буду об этом. Смешная ситуация произошла, когда я делала визу в Америку, это было начало двухтысячных, тогда многим отказывали. Мы не виделись с ним несколько месяцев, я пришла к консулу...

Мне вновь стало тоскливо, но я не стал произносить этого вслух. Даже то, что она столкнулась с трудностями на пути к своему бывшему любимому мужчине, вызывало у меня осадок. Мне не хотелось знать, что она любила мужчин до меня. Когда она рассказывала, как искусно она сыграла выученную для консула роль, чтобы получить визу, я не разделял с ней ее веселья – смеха, гордости за себя, той невинной шалости, которая стала приятным воспоминанием для нее. Я видел в этот момент перед собой их страстный, долгий поцелуй после тяжелой разлуки. Как она его обнимает, как говорит те слова, которые сейчас, возможно, произносит мне. Я обнаружил в себе человека, которому не хотелось, чтобы в его присутствии упоминались другие мужчины. Чуть позже я обнаружу в себе эгоиста и ужасного собственника.

Она не понимала, рассказывая свою историю, как мне неприятно слышать ее. Я ведь знал, что она дарила свою любовь этому человеку, что она раздевалась перед ним, принимала в себя его член, оголяла все свои тайны, воспоминания, тревоги, доверяя ему свое детство, свои грехи и самые смелые желания. Хорошо ли он поступал в своей жизни или плохо, кем бы он ни был, мне просто было неприятно. Мне нужно было принять, что у нее были мужчины до меня, что она любила до меня, что она была счастлива до меня, что она занималась сексом до меня. Что она такой же человек, как и я, только женщина, которая желала себе счастья, свободы, любви. Хотела распробовать жизнь через путешествия, смелые поступки, через свое творчество, которым горела, через красивых, сильных духом и вкусных людей, шагая навстречу своим страхам, вырывая себя с корнем из тех мест, где она не видела своего будущего, из тех людей, рядом с которыми не видела общих дорог.

Мне важно принять, что она – актриса. Что она жила, играла. Что имела стержень внутри, умела постоять за себя, свои убеждения и за близких людей, которых не понимали, причиняли или хотели причинить им боль.

Я заметил, что чем больше я начинаю понимать самого себя, тем понятнее мне становятся поступки других людей. Возможно, познавать себя и зажигать факел, чтобы осветить им лица других людей – это одно и то же?

Спустя несколько дней, когда она сказала мне походя, смеясь, что он однажды просил ее готовить ему еду обнаженной, я не выдержал и вспылал, ругаясь про себя, что больше не хочу слушать про фантазии важного для нее человека относительно нее. Заявил, что «он, прежде всего, в моих глазах – мужчина, похотливое животное, которое брало тебя и наслаждалось тобой, а только потом человек разумный, образованный, учитель, которым восхищаются его ученики, великий режиссер, как ты постоянно твердила, воздай ему, Вселенная, по делам его и поступкам, пусть будет счастлив, насколько сумеет, главное – не рассказывать мне, как он желал тебя и какие у него были фантазии». Я понял, что так возможно в себе убить любовь к женщине. А она сказала мне в ответ виновато, чувствуя себя неловко, потому что не желала сделать мне неприятно, что она никогда перед ним не готовила нагой, ей этого не хотелось, и потому она отказывала. А я ее об этом даже не просил – готовить голой, но она почувствовала, что хочет это делать для меня. И я вдруг выдохнул и понял, что она милая, хоть и достал меня уже этот ее родной человек. Дай, Вселенная, ему здоровья, жизненных сил.

И держи подальше от меня.

* * *

Я ее уважал, потому что представлял себе путь, который она прошла. Путь к любви зрителя, путь к лучшей и самой высокооплачиваемой актрисе в труппе. Я знал, как она себя ломала, как она боролась с собой, как побеждала себя изо дня в день, принимая решения – создать цель, гореть этой целью, идти к ней несмотря ни на что, чтобы получить заслуженное, чтобы взять заслуженное.

Эта хрупкая, сорокакилограммовая девчонка была лучшей – она принимала решение не сдаваться там, где другие отступают и принимают решение остановиться или продолжить путь потом. Я знаю, как трудно себя ломать и какое это удовольствие.

Я ею восхищался изо дня в день. Я выбрал себе сильную, живую и *пылающую* женщину: «Пусть она не угаснет рядом со мной и будет пылать так же ярко, как и до встречи со мной», – так я писал в своих заметках в том моменте.

– Я люблю тебя. И я не жду от тебя этих слов. Мне просто хорошо с тобой. Я позволяю себе любить тебя, так как мне это нравится. Я наполняюсь. Я живу. Я дышу.

Так говорила мне она.

– Мне говорят, что я сейчас очень красивый. А я говорю, что счастливый. Я тоже живу. Я тоже дышу. Я создаю. И я не верю в то, что ты меня любишь – я это знаю. Мне не нужно верить тебе, мне важно знать.

– Я тоже все знаю. И ничего не требую.

Я подумал о том, что сейчас я красивее, чем раньше. Это замечают. Об этом мне говорят. А внутри легко и спокойно. Я радуюсь, слушаю музыку, общаюсь с ней – и чувствую себя легким. Мне просто хорошо и тепло внутри. Все остальное имеет сейчас меньшее значение, чем мое внутреннее состояние.

Я не хочу сейчас воевать и отстаивать себя, свои мысли, приобретенные взгляды. Я хочу кайфовать от момента, жить. Создавать. И носить ее внутри себя.

– Жизнь не имеет смысла без любви, – так она мне сказала однажды.

Я задумался после ее слов.

– Она приобретает другие ценности в отсутствие любви, и все это кажется невероятно важным. Цели, влюбленности, смыслы. И только столкнувшись с той силой, мощь которой готов поселить в это маленькое, затасканное, затертое и миллионы раз обесцененное слово, которое произносят вслух, *чувствуя* и не чувствуя, понимаешь для себя, что многие мнения и взгляды – это лишь защита под маской убеждений: «Я не хочу вас видеть до конца своих дней в своей постели, не трогайте меня больше, чем я позволяю себя трогать, я не люблю вас, хотя я кайфую от той *близости*, которая возникла между нами. От нашей с вами истории, которую мы создали вместе. Я верю в эту силу, просто рядом с вами я не чувствую ее ни в себе, ни в вас. Я не обесцениваю ваши чувства, я знаю, что они у вас есть. Вы мне нравитесь, я хочу влюбляться в вас, познавать вас и телом, и сутью, но я не могу заставить пробудить в себе эту силу и полноценно реализовать ее. Ее невозможно заставить в себе пробудить. С вами вкусно, познавательно, с вами я творю, с вами я прекрасен, со мной прекрасны вы – только я в защите. Я отдаю вам многое, а вам кажется, что я отдаю вам все. И вы считаете это любовью». Вот как происходит. Я не обесцениваю ничего и никого, потому что я наслаждался в моменте, я принимал, я давал, я творил уникальные вещи, будучи вдохновленным, сильным. Я благодарен за все, что мы создавали с теми прекрасными женщинами, о которых я пишу снова и снова.

– Я тебя понимаю. Защита под маской убеждений. Я устала играть с ним. Я устала при-
творяться. Он меня обнимает, а я все выше выстраиваю стены внутри себя, сейчас я не могу
ничего изменить. Мне нужна твоя сила. Твоя решительность. Твои действия.

– Я знаю. Наберись сил принять в этот момент то, что ты не в силах изменить, и доверься.
Кажется, ты так все время говоришь.

– Хорошо.

* * *

Я хотел ее увезти к себе в Польшу и не увез. Я хотел жить с ней и не жил. Я трепло,
выпускавшее изо рта слова, которые не смог подтвердить действиями. Если и действовать, то
действовать сразу, спустя время утихли чувства сначала у меня, а затем и у нее. И с поутих-
шими чувствами я не то, что ее увезти не смог, а даже привести себя на встречу с ней не смог.

* * *

Когда я летал в Петербург к тебе в августе, то, возвращаясь домой, написал письмо:

«Я вернулся из дорогого мне города на Неве. Я сижу в аэропорту Шопена в Варшаве и
пишу тебе письмо, жду у своего выхода, когда пригласят на посадку, чтобы улететь в Гданьск.
Мне грустно после разговора с тобой, я проходил паспортный контроль, проверку багажа и был
не там, и сейчас, когда пишу эти строки, не здесь, а с тобой, вернее, в состоянии без тебя. Это
другое, гораздо болезненнее, чем думать о тебе и греться нашими общими воспоминаниями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.